

Жанна АГУЗАРОВА:

«Я — человек всемирный!»

Жанна Агузарова, считая прессу явлением организованным и чуждым ей, не очень-то откровенничает, давая интервью. Оттого и до обидного скупа по сей день информация об этой загадочнейшей из отечественных звезд, которая явно выливается из их числа.

— Жанна, вам уютно в этом мире?
— В нем я чувствую себя бездомным человеком. Наверное, это оттого, что мой дом — космос...

— Принадлежите ли вы, дочь космоса, какому-нибудь отдельному народу? Национальности?

— Я принадлежу всем народам. Грузины меня часто спрашивают: «Вы грузинка?». И я отвечаю, что да. Недавно, когда я участвовала в качестве гостя в международном фестивале «Голос Азии», еврейка-парикмахер, готовившая меня к выступлению, поинтересовалась с надеждой: «Вы еврейка?». Я кивнула утвердительно. И глаза этой женщины заблестели счастьем...

— Жанна, сегодня вы известны и очень популярны. Были, наверное, на вашем пути люди, которые помогли приблизиться к эстраднему небосклону?

— Мне приходилось надеяться только на себя. Поэтому есть, наверное, сегодня и оттенки уважения к себе. Ведь уйдя полтора года назад из «Браво», я сделала свое дело. Я не ждала своего композитора, я не ждала ни от кого никакой помощи. Знаете, можно сказать одну фразу: «Мне помогали люди». Но капитаном на корабле была я.

— Что вам наиболее дорого в людях? Что ставится во главу угла при определении круга общения?

— Наверное, это никогда не поменяется — доброта. Человек может быть даже глупым, но он не должен быть злым!

— Что это за доброта? Библейская или какая-то особенная для вас?

— Это свет в человеке, пусть его будет хотя бы немножко. У каждого из нас, к сожалению, своя окраска с рождения, и от этого никуда не денешься: оранжевая, синяя, зеленая — все равно какая! Но если есть какие-то отсветы (я же немножечко художник, поэтому так говорю), то это замечательно!

— А сами вы светлый человек?

— Думаю, что да.

— А в чем, по-вашему, этот свет?

— В волосах, наверное! (смеется). А разве вам не видно? Я же специально в белый цвет покрасилась, чтобы было видно издалека. Потому что не все могут со мной непосредственно пообщаться, чтобы что-то понять...

— Но ведь эти волосы знавали и другие краски?

— Два года назад был бордовый цвет. Возбужденный такой цвет... Это был для меня переходный период — тогда я все покинула, от всего ушла...

— Есть ли у вас слабости?

— Да, есть. Я люблю мужчин!

— А каким должен быть ваш избранник?

— Об этом я предпочитаю не рассказывать. Догадывайтесь сами. Когда-нибудь мы с вами еще раз встретимся, и вы сами увидите этого принца, если он в этот момент будет со мной.

— Вы — индивидуалист?

— Безусловно. Ведь я же художник!

— А как насчет теории «разумного эгоизма» Чернышевского, по которой, как известно, человеку хорошо только в том случае, когда хорошо окружающим его людям?

— Конечно же! Это гигантское, глобальное «хорошо». «Хорошо» с большой буквы и написанное на полнеба. Мне всегда очень обидно, когда я возвращаюсь из-за рубежа, что нашим людям плохо.

— А как вы себя чувствуете там, за рубежом?

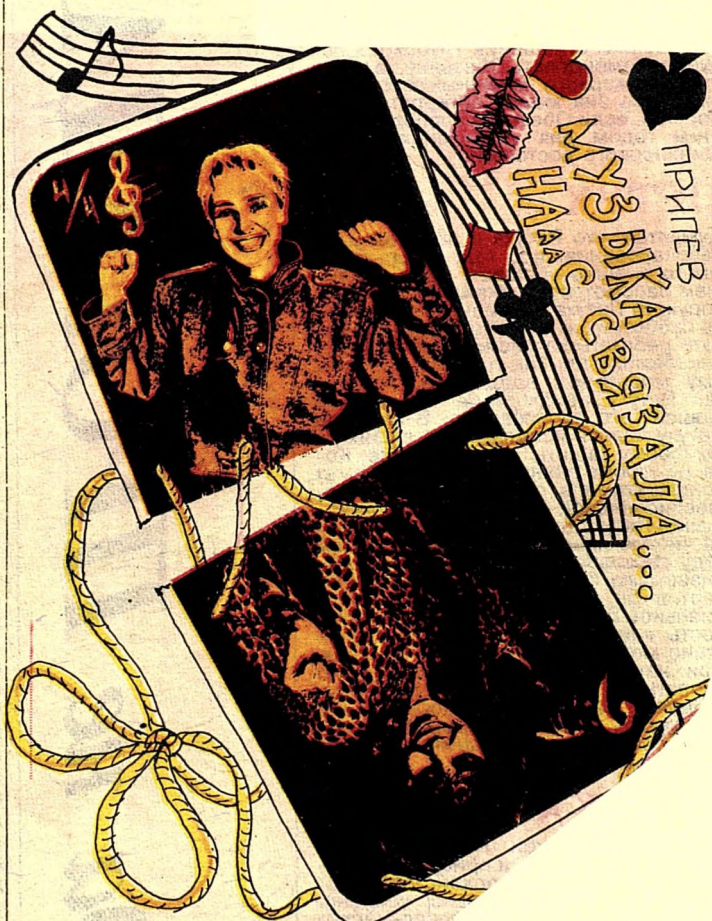
— Мне хорошо в любом месте, если рядом люди, с которыми мне хорошо.

— А на что направлена ваша любознательность? Что она изучает?

— Прежде всего, конечно, культуру. Я никогда не питала любви к историческим романам и запискам, но как только я стала выезжать, я ощутила в себе эту потребность. Мне стало интересно, откуда произошли римляне и германцы, откуда взялась религия. Все это я стараюсь выяснить для себя.

— Каким образом?

— С помощью книжек, конечно. У меня есть человек, которому я очень доверяю в этом плане. Зовут его Илья. Ну, скажем, Илья-пророк. Он — кандидат наук, скоро будет доктором... В какой-то из моментов моей жизни этот ученый очень повлиял на меня:

дал мне представление о хорошем вкусе к литературе, к искусству.

— Чем определяется ваш сегодняшний вкус? Как это отражается на артистическом имидже?

— У меня очень хороший, утонченный вкус во всем: и в реализации музыкального творчества, и во взглядах на жизнь. Очень люблю произведения искусства и по-настоящему ценю их.

— А как складываются у вас отношения с религией? Вы верующий человек?

— Конечно. И первая серьезная задумка по поводу религии у меня произошла в Риме, когда мы были там на гастролях в 1988 году. Именно в Ватикане, в самой главной и самой серьезной католической церкви в мире — в соборе св. Петра.

— А посещаете ли вы при этом храм?

— Я не могу сказать, что посещаю храм. Я не люблю символики. Я не могу видеть всего этого. Не могу видеть попов с их бегающими глазками! (Прости меня, Господи, что я так говорю.) Я не могу этого видеть, потому что чувствую, что там своя структура, своя номенклатура. Но я на этом не очень-то зарубаюсь, ибо вижу, что за этим есть другое. Вот это другое — как раз для меня.

— А что касается музыки?

— Я патриотка России. Советского Союза. Не важно, как это называется. Все равно... Мне нравится Чайковский, потому что это — роскошь. Это грандиозные залы, колонны, свечи, балы, серьезная, пафосная и очень красивая музыка. И мне кажется, что он еще не оценен по достоинству. Его время еще впереди!

— А вы в свое время родились?

— Конечно!

— А может, все же хотелось бы того времени — того, что со свечами, колоннами и балами?

— Было. И это время у меня уже было. Я чувствую! Может, это мои фантазии... Но у меня есть кое-какие ощущения, заставляющие так говорить!

— Что ждет вас впереди?

— Светлое будущее...

Ялта — Москва.